

Едва Хань Дуй переступил порог, как перед ним вырос Хань Ган — здоровенный, словно тёмная глыба. С первого взгляда он казался на редкость неказистым, а приглядишься — и вовсе оторопь берёт.

Вытянутая лошадиная физиономия, буркалы навывкате, нос картошкой да губы в пол-лица — настоящий слепок его вздорной души. Смотришь на такого и думаешь: эволюция явно обошла этого детину стороной — настолько тупым, упрямым и свирепым веяло от всего его облика. С такой внешностью, взрывным норовом да в их беспросветной нищете остаться бобылем было делом совершенно естественным. Чудо бы случилось, если бы какая девица за него пошла.

Завидев Хань Дуя, старший брат недружелюбно буркнул:

— Слышь, Шестой, рыбу я тебе поймал, всё высказал. Больше со своим носом в чужие дела не суйся, не то я за себя не отвечаю.

В подтверждение своих слов он демонстративно погрозил огромным кулаком.

Заметив, что старший брат закипает, Хань Мэй тут же заступилась за младшего. Заслонив Хань Дуя собой, она звонко выкрикнула:

— Только попробуй распустить руки! Если хоть пальцем тронешь Сяо Жуя, я брошусь в реку! Будете тогда совершать обмен невестами с моим трупом!

Оттого что родная сестра выгородила Хань Дуя, Хань Ган разозлился ещё сильнее.

— Сдыхать собралась? — взревел он на всю улицу. — Так иди к своим Лю и там топись, а в нашем доме подыхать не смей!

Слова брата задели Хань Дуя за живое. Смерив грубияна презрительным взглядом, он едко процедил:

— Братец, ты бы хоть раз налил в таз воды да полюбовался на себя. Лошадиная морда, бычьи зенки, нос картошкой, губы колбасой да ноги колесом! Стоит рот открыть — один навоз летит. Упрямый, тупой и злобный, ни единого светлого пятна в человеке нет. Твоим генам вообще противопоказано передаваться дальше. Послушай доброго совета: лучшее, что ты можешь сделать для родины — это остаться бездетным. Так хоть пользу обществу принесёшь.

От такого оскорбления Хань Ган побагровел, его смуглое лицо налилось яростным румянцем, став похожим на раскалённый уголь.

В один шаг он сократил расстояние между ними и рывкнул над самым ухом Хань Дуя:

— Ах ты паршивец! Жизнь надоела?! Думаешь, у меня рука на тебя не поднимется?!

Хань Дуй хоть и держался настороже, но виду не подал:

— Только тронь. Я тебя саморучно оскоплю. Зато потом голова о женитьбе болеть не будет.

Хань Ган окончательно потерял рассудок. Глаза его налились кровью, и он замахнулся для удара. Хань Дуй времени зря не терял — тут же перехватил прислонённую к стене лопату. Стоило брату дёрнуться, как железный заступ опустился бы ему на макушку. Обстановка накалилась до предела.

Хань Мэй в ужасе закричала. На её крик во двор пулей вылетели Чэнь Юэсян, родная мать Хань Дуя, и его сестра Хань Чжу.

Увидев, что пасынок замахнулся на её любимца, Юэсян без лишних слов, точно наседка, защищающая цыплёнка, заслонила сына собственной грудью.

— Только попробуй тронуть моего мальчика! — пронзительно заверещала она. — Силы девать некуда?! Ну так бей меня, убей старуху!

— Мама, отойди, — хладнокровно бросил Хань Дуй, крепче сжав черенок. — Я эту дрянь сейчас прямо в выгребную яму сгребу.

Язык у него был острый, да и рука в случае чего не дрогнула бы.

Чэнь Юэсян стояла насмерть, а Хань Мэй с Хань Чжу принялись наперебой умолять их разойтись. Понимая, что против него ополчилось всё семейство, Хань Ган так и не решился ударить. Потоптавшись на месте, он воспользовался моментом, чтобы шумно и сердито опустить кулаки.

Красноречием он никогда не отличался, поэтому смог лишь обиженно запричинать, жалуясь мачехе:

— Тётушка Сян, вы сами всё видели! Это Шестой первый начал! Он обозвал меня, пожелал остаться бесплодным ради блага родины, да ещё и оскопить грозился!

При слове «оскопить» незамужние Хань Мэй и Хань Чжу смущённо потупились.

Для порядка Чэнь Юэсян прикрикнула на сына:

— Сяо Жуй! Разве можно так со старшим братом разговаривать? Чему тебя только в твоей

школе учили?!

Но тут же обернулась к пасынку и заговорила примирительно:

— Ганцзы, Сяо Жуй, конечно, погорячился. Но ведь он ещё совсем зелёный, да и из-за Мэйцзы да сорвавшейся работы сам не свой последние дни. Вот язык у него и разгулялся. Ты же старший, прояви характер, уступи младшему.

Хань Ган упрямо вскинул подбородок:

— Да я и так всю жизнь ему уступаю! Он меня с малых лет ни во что не ставит, вечно поперёк дороги встаёт, а я его пальцем не тронул! Но предупреждаю всех раз и навсегда: кто встанет между мной и моей свадьбой — тот мне кровный враг!

Опасаясь новой вспышки гнева, Хань Чжу ласково заговорила:

— Братец, ты бы поумерил пыл. До меня слухи дошли, что из деревни невесты к нам на днях люди приезжали расспрашивать. Если они прознают, что ты дома кулаками размахиваешь, какая девица за тебя пойдёт? Да и при обмене невестами они вовсе не обязаны выбирать именно нас.

Угроза подействовала незамедлительно. Хань Ган заметно сдулся и притих.

Хань Дуй с удивлением покосился на Хань Чжу. А третья сестра-то не промах, соображает. Заодно он прощупал почву: старший брат глуповат и поддаётся только на уговоры, а упёртость у него ослиная. Что ж, впредь придётся действовать хитрее.

Общими усилиями ссору замяли. Чэнь Юэсян поскорее утащила сына в дом, а Хань Мэй с Хань Чжу остались успокаивать старшего брата.

Оказавшись в комнате, Чэнь Юэсян принялась со вздохами отчитывать Хань Дуй:

— Ну вот скажи мне, Сяо Жуй, ты дурак или как? Мэйцзы тебе не родная сестра, у вас матери разные. Ганцзы ей по крови ближе. Родной брат и родная бабка в один голос твердят, что обмену невестами быть, а ты куда лезешь? И умолял их, и ругался — никто тебя слушать не хочет, а ты всё не уймёшься, аж до лихорадки себя довёл! В кого ты такой упёртый уродился, ума не приложу. Сплошная с тобой головная боль.

Хань Дуй окинул мать изучающим взглядом. На вид Чэнь Юэсян было за сорок. Одета в простую куртку из серой домотканины, с небрежно заплетённой косой средней длины, она сохранила приятные черты лица, хотя годы тяжёлого труда наложили на него отпечаток усталости и преждевременной старости. По воспоминаниям прежнего владельца тела, мать искренне любила сына, хоть и обладала весьма непростым характером. Прежний Хань Дуй

частенько обижался на неё, а она, в свою очередь, сетовала на его глухоту к её материнским заботам. Из-за этих вечных недопониманий между ними пробежала прохлада.

Но для нового Хань Дуя всё это казалось пустяками. Рассеянно кивая под мерное ворчание матери, он лихорадочно соображал, как поступить. Каким бы скверным ни был характер Чэнь Юэсян, её преданность сыну не подлежала сомнению, а значит, она его главный союзник в этом доме. Для начала нужно завоевать её доверие и перетянуть на свою сторону. Планы на будущее подождут — сейчас важнее всего предотвратить нелепый обмен невестами с Хань Мэй.

Обычно во время материнских нотаций сын либо сразу сбегал, либо слушал с таким недовольным видом, будто делал великое одолжение. Сегодняшнее покорное молчание показалось Чэнь Юэсян добрым знаком.

Решив, что сын наконец-то одумался, она заговорила мягче:

— Сяо Жуй, я ведь знаю, как ты к Мэйцзы привязан. Да что там говорить, у меня у самой сердце кровью обливается, хоть я ей и мачеха. Да только выхода у нас другого нет. Семья нищая, а у твоего старшего брата ни лица, ни ума — кто за него без обмена невестами пойдёт? Тут уж ничего не поделать, вопрос решённый. Вторая твоя сестра, Ланьцзы, девка хитрая, вовремя успела выскочить замуж и концы в воду. Остались только Мэйцзы да Сяо Чжу. Не отдавать же под венец твою родную сестру Чжу? Этого я ни за что не допущу.

Слова матери полоснули по ушам.

«Вопрос решённый? Хань Ган, значит, человек, а Хань Мэй — бездушная вещь для обмена невестами?»

Но спорить и горячиться не стоило. В деревнях этого времени подобные дикие устои считались нормой жизни. Криком вековые предрассудки не выжечь, тут требовалась тонкая, кропотливая работа.

В своей прошлой жизни, занимаясь поддержкой бедных районов, Хань Дуй наглядно изучил характер таких женщин. Взывать к их совести или логике бесполезно — а вот если затронуть их личную выгоду, они мигом поменяют мнение. Тот, кто умеет искусно язвить, при желании легко подберёт ключи к любому упрямцу.

Хань Дуй решил пустить в ход своё главное оружие — убеждение.

Откашлявшись, он заговорил вкрадчиво и рассудительно:

— Мама, я ведь против этого обмена невестами выступаю не только из жалости к старшей сестре. Я о нас с тобой забочусь, да о чести всей семьи нашей беспокоюсь. Как-никак, я

человек грамотный, гляжу немного дальше других. Послушай, что я думаю по этому поводу, а потом сама рассудишь.

Услышав такую уважительную речь, Чэнь Юэсян окончательно оттаяла:

— Ладно, выкладывай свои думы, послушаю.

— Мама, я часто слышал, как тяжело приходится мачехам, — начал Хань Дуй. — Чужих детей положено только баловать, а строгости к ним проявлять нельзя. Своего-то можно и пожурить, и прикрикнуть, а на падчерицу или пасынка только голос повысь — сразу соседи за спиной шушукаться начнут. Посмотри на Хань Гана: дикарь дикарём, пороть его надо было в детстве, да только тебе как мачехе руки связали. Вот он и вырос на радость людям, на горе семье.

Эти слова попали в самую точку. Чэнь Юэсян с силой хлопнула себя по бедру и запричитала:

— Сяо Жуй! Золотые слова говоришь! Наконец-то ты вырос и понял, каково матери! Ох, как же мне тошно в этой роли! Чуть что не так — сразу клеймят мачехой-злодейкой. Будто у них у самих все пальцы на руках одинаковые! Вон, взять твою бабушку или тётку — они к своим-то родным детям с разной меркой подходят, а от меня, чужой бабы, требуют святой справедливости! Да я, видит бог, для Мэйцзы да Ганцзы делала всё, что могла! Все шестеро у меня сыты были и одеты одинаково, никого не обделяла. А что учиться не стали — так у них у самих котелки не варили, разве я в том виновата?!

Заполучив доверие матери с первой же фразы, Хань Дуй повёл атаку дальше.

— Мама, не бери в голову бредни бабки и старшей тётушки, — мягко произнес он. — Я твой родной сын, зла тебе не пожелаю. Опять же, возвращаясь к доле мачехи: если у старших детей жизнь сложится удачно, никто и слова худого о тебе не замолвит. Но если они хлебнут лиха — все шишки полетят в твою сторону. Подумай сама: разве Мэйцзы будет счастлива в этом дурацком обмене невестами? А если её жизнь там превратится в ад, кого люди обвинят? Тебя, мачеху!

— Да при чём тут я? — всплеснула руками Чэнь Юэсян. — Это твой отец с бабкой всё порешили, я и пальцем к этому делу не прикоснулась! Совесть моя чиста, никто мне упрёка не бросит.

— Я-то знаю, что ты тут ни при чём, — вздохнул Хань Дуй. — Да только поди докажи это чужим людям. Со стороны ведь как покажется? Скажут, мачеха с отцом пожалели денег на выкуп для старшего сына и сдали девку с рук на руки, лишь бы сэкономить. Вы с отцом — одна семья, и позор на двоих делить придётся. К тому же, если в доме пойдёт такой делёж, это и на нас с Сяо Чжу тень бросит. Решат ведь люди: раз у них в семье дошли до обмена невестами, значит, дела совсем плохи, да и с младшими, поди, что-то не так. И самое главное — липцы из клана Ли только и ждут повода, чтобы посмеяться над нами. А уж тут они от радости лопнут.

Их деревня Ханьли испокон веков делилась на два больших лагеря — Хань и Ли. Долгое время соперничали на равных, но стоило Ли Маньфу пробиться в главы производственной артели, как весы качнулись. Пользуясь властью, тот тащил на тёплые места исключительно своих сородичей да прихлебателей. Клан Ли, почуяв силу, вконец обнаглел и перестал считаться с Хань. А те, как на грех, дружно жить не умели: то и дело грызлись между собой. Чего стоили только бесконечные дразги дядьёв Хань Дуя — весь уезд над ними потешался! Чэнь Юэсян, женщина гордая и самолюбивая, этот позор терпеть не могла и регулярно устраивала с бабами из семейства Ли громогласные скандалы.

Представив триумф заклятых врагов, Чэнь Юэсян нахмурилась и с досадой сплюнула:

— Твоя правда. Эти ироды от ухмылок свои рожи до ушей разорвут. Эх, наказание господне! Что отец твой, что братец — оба никчёмные, сладу с ними нет!

Видя, что лёд тронулся, Хань Дуй внутренне возликовал и поспешил подлить масла в огонь:

— Вот именно, мамочка! Из-за их глупости нам с тобой приходится краснеть. Отец наш — человек ведомый, на него надежды мало, вся надежда только на тебя. Ты у меня и умная, и расторопная, и характер у тебя золотой. Если бы у отца была хоть капля твоего ума, разве мы бы так прозябали?

Чэнь Юэсян зыркнула на него недоверчиво, но губы её сами собой расплылись в довольной улыбке.

— Ишь, запел! — притворно ворчливо протянула она. — «Умная да расторопная»... А я-то думала, ты у нас грамотей великий, куда уж мне, неграмотной бабе, до твоей учёности.

— Мама, ну что ты такое говоришь! — тут же принялся ластиться Хань Дуй. — Я же твоя плоть и кровь. Разве я могу задирать нос? Признаю, раньше я бывал резковат, но ты меня пойми: учитель в школе объяснял, что у парней в мои годы наступает «переходный возраст». В это время каждому подростку позарез нужно перечить старшим, чтобы доказать, что он уже взрослый мужчина. Сама посмотри на деревенских оболтусов моих лет — все как один волками смотрят! А я на их фоне ещё паинька. Как-никак, мамино воспитание и школьная книжность дают о себе знать: даже бунтую я вежливо, по-интеллигентному.

Чэнь Юэсян понятия не имела, что это за «переходный возраст» такой, но в одном была уверена твёрдо: в семь лет от мальчишек кошки шарахаются, а в семнадцать они уже собственных родителей ни в грош не ставят. Молоко на губах не обсохло, а гонору — хоть отбавляй! И ведь не прикрикнешь теперь, не выпорешь, как бывало в детстве. Чуть слово поперёк скажи — сразу губы надует и сычом сидит. Правду старики бают: дети — это долги наши тяжкие, которые мы всю жизнь выплачиваем.

Между тем Хань Дуй продолжал осыпать её ласковыми речами:

— Мама, дурак я был, только теперь глаза открылись. На всём белом свете нет человека ближе родной матери, даже отец рядом не стоял. Прости глупого. Если злость на меня держишь — хоть два дня не корми, пускай мне на пользу пойдёт, мозги прочистит.

— Да ну тебя! — отмахнулась Чэнь Юэсян, хотя на сердце у неё стало совсем тепло. — Стану я ещё тебя морить. Не дай бог опять заголодаешь — мне же перед тобой расстилаться придётся. Я уж думала: если не начнёшь есть, соберу твоих дядёв да братьев двоюродных, пойдём к Ли Маньфу и устроим там такой раскардаш, что мало не покажется! Пусть место не вернём, так хоть душу отведём.

— Мама, постой, с работой мы ещё разберёмся, тут торопиться нельзя, — поспешно остановил её Хань Дуй. — Сперва нужно дома порядок навести, а уж потом с чужаками воевать. Давай сначала с этой проклятой свадьбой покончим. Как думаешь, что нам делать с обменом невест?

<http://bllate.org/book/19655/1950573>